

ЧЕРЕЗ ДЖУНГАРСКИЕ ВОРОТА

Новая советско-китайская
железная дорога

Немного из нас знали до сих пор о маленькой железнодорожной станции Антогай, расположенной где-то в песках между Аягузом и Лепсой, на линии Турксиба. Еще меньше людей, которые слышали о страшных ветрах «эбэ» и «сайкан», дуящих с ураганной силой, сметающих со своего пути все — кибитки, машины, вырывающих деревья...

А теперь название станции Антогай и рассказы о ветрах закрепились на страницах многих казахстанских газет в связи со строительством новой железной дороги, о которой в Директиве XX съезда партии по шестому пятилетнему плану сказано следующее:

«Построить железную дорогу — район Алма-Ата — Гострагича, обеспечивающую связь Советского Союза с Китайской Народной Республикой по новому направлению».

Еще в ноябре 1954 года в районы строительства выехали изыскательские и геотехнические партии, а также отряд геофизиков. Уже в самом начале пути первая изыскательская партия, выйдя из Антогай в восточном направлении, испытала все тяготы продвижения по сыпучим пескам, покрытым почти полуметровым слоем снега. Крутом на протяжении с лишним километров не было ни одного населенного пункта, буйствовали ветры и выюги. Другая группа изыскателей шла навстречу первой с восточной стороны песков.

Отряды прошли пески, степи, заросшие тавогой и ковылем, солончак, перешли через горную реку Тентек и вдоль берега Ала-Кули, через села Обуховку и Костому подшли к знаменитым Джунгарским воротам.

Представьте себе длинный, узкий, местами в пять-шесть километров ширины проход, образованный горными краями Ала-Тая и Тянь-Шаня. В этой пробке непрерывно бешут штурмовые ветры: юго-восточный — из Китая — назван «эбэ», встречный — из СССР — «сайкан». Если «эбэ» дует только зимой, то «сайкан» беснуется круглый год. Ветры эти необычайной силы — старожилы утверждают, что, ударив в бок поезда, ветер может столкнуть его с рельсов.

Вот почему перед тем, как избрать трассу будущей дороги, надо было тщательно изучить направление, скорость и силу этих ветров.

Самолет доставил из Алма-Аты в Джунгарские ворота исследователей ветров. Выли созданы три метеорологические станции: одна из них — в самой узкой части ворот. Здесь в маленьком, прочно вросшем в землю каркасном доме проводились наблюдения зимой и летом. Шенцов, его муж радиостанция Звезда и наблюдатель Яков Ширяев.

Работы изыскателей и метеорологов были учтены проектировщиками при выборе направления трассы. Она намечена так, что поезда через горную шель будут проходить, преодолевая ветры прямо в лоб. Запланированы специальная система сигнализации, обогревательные будки, утяжеленные железнодорожные насыпи из гранитного щебня (гранит найден близ Антогай).

И вот во второй половине июня у Джунгарских ворот сошлись разведчики трассы, которую они продолжили от китайского города Ланьчжоу через Урумчи — Гострагичу к Антогаю.

На самой границе в этот радостный день выросла арка, обитая кумачовым полотнищем. Ее соорудили рабочие изыскатели с кибитками экспедиции двух государств. На китайском и русском языках на арке написано: «Дорога вечной дружбы народов СССР и КНР».

Специальная смешанная комиссия приняла трассу. Представители обеих стран остались довольны работой изыскателей. Но затем возникла заминка. Как быть? Обе стороны решили назвать свои пограничные станции одинаково — «Дружба». Вопрос был решен к обоюдному удовольствию: станции будут так и именовать: на советской стороне по-русски — «Дружба», на китайской — «Юэха».

В Алма-Ате, на углу улиц Калинина и Аманжельды, в тени деревьев стоит небольшой двухэтажный дом. Здесь расположен строительно-монтажный трест «Турксибтрансстрой», который по поручению министерства железных дорог СССР строит железную дорогу.

Мы сидим в одной из комнат этого дома — в кабинете главного инженера треста И. Герасимова. В комнату то и дело входят люди с чертежами, с картами, со списками строительных материалов, отгружаемых на станциях Турксиба для строительства дороги.

Приказ о строительстве отдан, — заявил нам И. Герасимов. — Протяженность линии Антогай — Гострагича составит 308 километров. Предстоит выполнить около шести миллионов кубометров земляных работ, возвести более ста сооружений, проложить 67 километров стационных путей. Мы окажем техническую помощь китайцам в постройке другого отрезка дороги — от границы до китайского города Урумчи. В 1958 году строительство будет окончено, и через ворота Джунгарии, покоря ветры и бури, помчатся поезда.

А. АЛИМЖАНОВ,
корреспондент
«Литературной газеты»
АЛМА-АТА. (По телефону)

Возвращение Готской библиотеки

Как сообщалось в печати, на днях в президиуме Академии наук СССР был подписан акт о передаче Германской Демократической Республики библиотеки города Готы. Библиотека эта представляет собой одно из крупнейших в Европе библиотечных учреждений и инкубатор. Вот что рассказывает о ней наш корреспондент из ведущего отдела библиографической консультации Государственной библиотеки Академии наук СССР Г. Крычевский.

— Эта всемирно известная библиотека, содержащая свыше 300 тысяч томов, возникла в XVII столетии и с тех пор непрерывно пополнялась. Она особенно ценна восточными рукописями, главным образом арабскими, а также западноевропейскими рукописями и старопечатными книгами.

Среди сокровищ Готской библиотеки — автографы Лютера, инкунабулы из типографии Гутенберга, первое издание речей Цицерона (1465 г.), издания трудов Аристотеля (1493 г.) и Авиценны (1486 г.), библия Лютера, сборник документов процесса Жанны д'Арк, коллекция документов эпохи французской буржуазной революции и другие памятники XV—XVIII веков.

Здесь хранятся полные собрания трудов всех немецких и Парижской академии наук, а также Российской академии наук, стенографические отчеты всех немецких ландтагов. Богато представлены в ее книжных фондах история, археология, нумизматика, произведения немецкой публицистики XVI—XIX вв., филология, прекрасные описания путешествий XVIII и первой половины XIX века, газеты, журналы.

Такое разнообразное содержание библиотеки объясняется вкусами ее владельцев — немецких герцогов. В XVII веке, например, они, пытаясь притянуть к юридической литературе, пополнили ее библиотеку; герцоги XVIII столетия стремились собрать с наибольшей полнотой французскую художественную литературу своего времени. Увеличению герцога Августа (XIX в.) Восточной библиотекой обязана великоленинскому восточному собранию. Несколько позднее библиотека специализировалась на историко-филологической литературе, успешно пополняясь изданиями, вышедшими из пределов Германии.

Рукописи и старопечатные книги Готской библиотеки пользуются большой популярностью, они неоднократно экспонировались на международных выставках. Небольшая выставка уникальных изданий библиотеки была устроена в Академии наук СССР.

Библиотека будет возвращена в город Готу в течение ближайших двух-трех месяцев. Там она будет размещена в старинном замке Фриденштейн, где находилась и прежде.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 79 (3580)

Четверг, 5 июля 1956 г.

Цена 40 коп.

Мой друг Пол Робсон

Седрик Белфредж — по происхождению англичанин — известный журналист, редактор прогрессивного еженедельника «Нейшл гардиан», издающегося в США. Белфредж жил в Соединенных Штатах с 1926 года. В мае 1953 года он был вызван в сенатскую подкомиссию по расследованиям, возглавляемую сенатором Маккарти. После отказа Белфреджа отвечать на заданные ему вопросы о его взглядах, деятельности и принадлежности к политическим организациям он был арестован иммиграционными властями и

отправлен в тюрьму на острове Эллис. В 1954 году по решению Федерального суда он был выслан за пределы США и живет с тех пор в Англии. «Дело Белфреджа» вызвало в то время глубокое возмущение прогрессивной общественности.

В настоящее время Седрик Белфредж гостит в Советском Союзе. Мы публикуем его статью о Поле Робсоне, написанную для «Литературной газеты».

Седрик БЕЛФРЕДЖ

В МИРЕ, покрытом ранами «холодной войны» и жаждущем исцеления, есть голос, обладающий величайшей целительной силой, и этот голос принужден молчать. Это голос одного американца, он принужден молчать не потому, что его обладатель — плохой гражданин Соединенных Штатов. Для него славным делом было бы продать за тридцать грешников то право, за которое боролись в прошлом его предки. Он не предает эти бережно хранимые им традиции родной страны, традиции, которые он поспешает в течение многих лет в своих песнях.

Тяжело мне, журналисту из Америки, писать в советской газете о том, как заглушают голос Пола Робсона и каким оскорблением подвергают этого артиста, заслужившего мировую славу. Я пишу об этом с горечью. Миллионы людей во всем мире мечтают снова услышать его. Горько сознавать, что государственный департамент отказывается выдать ему заграничный паспорт, мотивируя свой отказ тем, что, дескать, его присутствие «противоречит интересам США».

Робсон обжаловал через суд отказ выдать ему заграничный паспорт. Правительство, отставая перед судом свое решение, мотивировало его тем, что Робсон давно уже борется за свободу народов Африки, а также за равноправие негритянского народа в Соединенных Штатах.

Между тем Робсон — именно тот американец, который мог бы приобрести больше друзей для Америки, чем кто-нибудь другой. В чем заключается главное «преступление» Робсона? Он желает, чтобы Америка была той страной, какой стремились сделать ее ранние колонисты. Об этом он поет в своей «Балладе американца»: для них родина — это страна свободы и изобилия, друг всех народов. «Преступление» Робсона состоит, как видно, в том, что он раздает стремление народов к свободе и изобилию. А ведь за это боролись в свое время американцы.

Тот, кто непримиримо борется за эти идеалы, рискует быть прозванным «коммунистом», а это в Соединенных Штатах способно превратить в парию любого человека — будь то знаменитый или безвестный. Коммунист ли Робсон? Я этого не знаю, но если бы это было так, то Коммунистическая партия США могла бы этим гордиться. Робсон отказался ответить на этот вопрос, когда он был задан ему властями, напоминая, что, подписывая в ООН «Декларацию прав человека», правительство США обязалось предоставить каждому гражданину свободу путешествия за рубежом без политической проверки.

Для друзей Робсон — не только большой художник, но и большой человек. Он вынужден сейчас жить очень просто и скромно: заработки его ничтожны; но и по натуре своей он прост и скром. Когда у него бывали деньги, он всегда относился к ним равнодушно. Он человек разносторонних способностей. В университете он был талантливым студентом, а также одним из лучших футболистов своего времени. Антрепренеры боялись предлагать ему огромное богатство, если он станет профессиональным боксером. Всех поражала его способность без труда усваивать один за другим иностранные языки. Он избрал профессию певца и актера, и критики во многих странах называют Робсона самым великим из исполнителей роли Отелло и образцом совершенства, редким чудом среди певцов.

Первое, что поражает при знакомстве с Робсоном, это сочетание физической силы с удивительной добротой и мягкостью. Робсон чувствует себя отлично среди простых людей и связан, хотя сохраняет собственное достоинство, в обществе важных особ. Его величие — это величие человека, который как бы носит в своем сердце частицу души других людей. Об этой черте Робсона сказал еще два десятка лет назад известный американский критик Александр Уолкотт. Он сказал, что когда узнаешь Робсона, то гордишься не только тем, что он твой соотечественник, а тем, что принадлежишь к роду человеческого вообще.

Сегодня миллионы американцев разделяют чувства Уолкотта, однако лишь немногие осмеливаются говорить об этом вслух. Тот, кто отказался бы похвалить Робсона, неслегка нашел бы издателя в США, который согласился бы напечатать такие высказывания.

Американская печать превратила имя Робсона почти в бранное слово. У людей за пределами Соединенных Штатов, слышавших ление Робсона, этот чудовищный факт вызывает полное недоумение. Фальсификаторы общественного мнения нарисовали его портрет, как образец всего того, что добродетельные американцы должны возненавидеть. Робсон, который семь лет назад на концерте в Никсвиле стойко выдержал первые явно фашистские действия эры «холодной войны», изображается как виновник этих событий. Робсон, который никогда не устает воспе-

вать свободу и братство, обвиняется в стремлении разобщить народы и заставить их изменить традициям свободы. Робсон не имеет права заключать контракты, которые предлагают ему из-за границы, по той причине, что родина стала для него теперь тюрьмой (правительство США недавно выпустило его в Канаду, но теперь канадское правительство запретило ему въезд туда для второго, более обширного концертного тура). В Америке он может быть лишь в концертах, устраиваемых левыми организациями, куда правой американец не посмеет войти, даже если бы и знал о предстоящем выступлении Робсона. Робсон не имеет возможности выступать ни в обычных концертных залах, ни в театрах, так как после неистовства в

Пол Робсон

Рисунок Н. Павлова

Никсвиле их владельцы, естественно, опасаются повторения подобных провокаций.

Граммфонные пластинки с песнями Робсона почти невозможно купить. Они продаются лишь в нескольких левых книжных и музыкальных магазинах, которые еще уцелели в пятидесяти городах Соединенных Штатов. Имя Робсона никогда не появляется в «белой» и редко — в негритянской печати, разве только, когда его пытаются обвинить в измене родине, как это было, например, в июне этого года в связи с вызовом Робсона в комиссию по расследованию антиамериканской деятельности. Эта комиссия, состоящая из членов конгресса, заявила, что она «расследует использование коммунистами американских паспортов для содействия советским интересам за границей». Таким же унижением был подвергнут еще один американец — профессор Отто Натан, друг и душеприказчик покойного Альберта Эйнштейна. Ему, впрочем, повезло больше, чем Робсону: в результате долгой судебной тяжбы он добился в прошлом году заграничного паспорта, правда, на ограниченный срок.

Робсон доставил членам комиссии несколько неприятных минут (за это ему угрожает тюремное заключение!). Он заявил, что он «не настоящий американец, и им должно быть стыдно», и уж если расследовать «истинно антиамериканскую деятельность», то стоит заняться сенатором, «охотником за великими» Джеймсом Маккарти. Истед, как известно, был избран в сенат небольшим количеством голосов белых в штате Миссисипи, где негры, составляющие 49 процентов всего населения, не допускаются к голосованию. Этот сенатор посвящает свое время двум основным занятиям: у себя на Юге он открыто руководит кампанией срыва решения Верховным судом США о прекращении дискриминации негритянских школьников. На Севере Истед занимается «проверкой» (то есть включением в «черные списки») честных журналистов и художников, которых он обвиняет в желании «извергнуть правительство при помощи силы».

Американцы старшего поколения хранят память о Робсоне, как об артисте, молодая душа которого слышала его голос. Робсон пользуется во всем мире огромной любовью, его голос хорошо знаком людям всех стран — всех, кроме его собственной! В США выросло поколение, которое даже не знает его голоса. В Англии на рождество обычно передают по радио песни Робсона в граммофонной записи. «Кто это поет?» — спрашивают молодые американские солдаты.

В течение прошлого года мне пришлось путешествовать, и, куда бы я ни при-

езжал, я слышал разговоры о Робсоне, возмущение преследованием его в США от людей самых различных политических убеждений. Больше всего возмущались рабочие, которые особенно любят Робсона за то, что он шел на любые лишения, чтобы иметь возможность выступать перед рабочей аудиторией. Но даже в буржуазных кругах обеспокоены тем, что Робсон обречен на молчание.

В Англии, где Робсон жил много лет, развернулась кампания под лозунгом: «Дайте петь Робсону!». В мае этого года в Манчестере состоялась однодневная конференция, на которую съехались делегаты, представлявшие несколько миллионов членов различных профсоюзов Англии, Шотландии и Уэльса. Ведущие английские музыканты, как, например, сэр Адриан Боулт, дирижировали концертом Отелло в Лондоне, подписали обращение к правительству США. Инициатива принадлежит горнякам Шотландии и Уэльса, фабрично-заводским рабочим Лондона, а также большой группе жителей традиционно-либерального города Манчестера. Во время массового митинга, устроенного там в марте нынешнего года, в зале не было ни одного свободного места. В затененном «Фри-трей холле» на экране появлялся портрет Пола Робсона и прозвучал его бархатный голос, записанный на пленку. Секретарь профсоюзного совета Манчестера (организация, объединяющей все профсоюзы города) Ньюболл назвал Робсона «величайшим артистом мира». Воган Дэвис, кандидат в члены парламента от либеральной партии, охарактеризовал Робсона, как мирового посла, отвергнутого Америкой, а член парламента лейборист Уилл Гриффитс заявил, что Робсон — «один из величайших людей нашего времени, и прежде всего — великий гуманист и интернационалист». Р. Каласола, председатель объединенного Союза рабочих-литейщиков и член исполнительного комитета лейбористской партии, в своей речи сказал:

— Музыка интернациональна — мелодии воспринимаются одинаково во всем мире. Робсону не чинили бы препятствий, если бы он развлекал и строил военные базы и призывал к войне!

Робсон получил предложение принять участие в новой театральной постановке трагедии «Отелло» в Лондоне. Он получил приглашение приехать от Федерации шахтеров Южного Уэльса, насчитывающей 100 тысяч членов, и от Лондонского общества кооператоров выступать в крупных концертных залах Лондона и Манчестера. Многочисленные приглашения из капиталистических и социалистических стран могли бы занять его на много лет. В США друзья Робсона продолжают вести борьбу за то, чтобы он мог продолжать свою концертную деятельность. 17 июня он должен был выступить на фестивале национальности в Лос-Анжелесе. Я получил письмо от друга из этого города, который пишет: «Робсон заболел — во второй раз за последнее время, и ему пришлось отказаться от этого выступления. Ему предписан полный отдых в течение нескольких месяцев. Но он прислал записанное на пленку приветствие фестивалю и дюжину песен разных народов в своем исполнении». Таким образом, в Лос-Анжелесе, как и в Манчестере (и как недавно в Индии), мудрая техника звукозаписи позволила Робсону переслать далеким слушателям свой голос в маленькой почтовой посылке.

Полу Робсону осталось недалеко до шестидесяти лет. Его талант певца достиг наивысшего расцвета. Будь на месте Робсона любой другой человек, не обладающий его силой воли, он, пожалуй, не выдержал бы такой борьбы, неизбежно порождая глубокие разочарование в жизни и чувство одиночества.

Но Робсон попрежнему полон веры в людей. Для них он поет, напоминая трудностям, что жизнь прекрасна и что они должны смело прибегать ко всему прекрасному. Можно понять, почему враги мира считают, что голос Робсона — «опасный голос», и надо заставить его молчать. Ведь стоит только Робсону запеть, как он поднимает все злое, мелочное, жестокое, лицемерное, все то, что тяготит к смерти и отрывает от жизни.

Всем своим благородным обликом непоколебимым борца Робсон подтверждает, что принципы, выраженные предками в «Декларации независимости» и «Биле о правах», продолжают жить в сердцах американцев, хотя некоторые из этих принципов до сих пор остаются на бумаге. В «Балладе американца» есть такие слова: «В это не верил никто из тех, кто представлял какой-нибудь вес; наоборот, всякий, кто имел какой-нибудь вес, сомневался...». Но сам Пол Робсон верит, и все те, кто «не имеет веса», разделяют его горячую веру в то, что, несмотря на все окрики, песня свободной Америки заглушит

ЧТО ПЕЧАТАЕТСЯ В ИЮЛЬСКИХ НОМЕРАХ ЖУРНАЛОВ

Готовятся к выходу седьмые, июльские, номера литературно-художественных журналов. Как всегда, их лицо определяет в первую очередь проза.

В «Звезде» отдел прозы потеснил все остальные материалы — заканчивается публикация первой книги нового большого романа Э. Грина «Другой путь». Основные его персонажи — простые люди Финляндии. Произведение охватывает значительный отрезок времени: от первой мировой войны до начала пятидесятых годов. На судьбах своих героев писатель показывает, как растут дружба финского и советского народов. Весной в СССР гостил французский писатель Роже Вайян, которого советские читатели знают по роману «Пьеретта Амабль», напечатанному в журнале «Иностранная литература». В июльском номере «Звезды» печатается другой его роман «325 000 франков». В номере помещен также рассказ Ф. Эйзенбаума «Ночной обход».

С большим интересом будут прочтены письма Ф. Дзержинского к сестре. Они были изданы отделом истории ЦК Польской Объединенной Рабочей Партии и сейчас частично публикуются в «Звезде». Это документы большой силы; написанные в камерах царских тюрем, они воссоздают перед нами образ Феликса Дзержинского.

Отдел поэзии знакомит нас с новыми стихами А. Прокофьева, Ю. Гордиенко, А. Гатова.

«Октябрь» публикует главы из повести Ф. Гладкова «Мятельная юность». В отделе поэзии — стихи И. Золотого, И. Френкеля, А. Коренева и других. Большой интерес представляют воспоминания о Я. Свердлове «Страницы революционной борьбы», написанные его женой К. Свердловой. Критика и библиография представлены статьями А. Деметриева о лирике А. Твардовского, З. Палерного о стихах Л. Мартынова, И. Степанова о книге М. Никитина «Здесь жил Достоевский». Роману итальянского писателя С. Сбонфанти «Смерть» посвящена статья З. Потапова. В связи со 100-летием со дня рождения английского писателя Б. Шоу журнал дает отрывки из двух его книг.

«Знамя» печатает окончание заметок Л. Волынского «Семь дней» — о спасении сокровищ Дрезденской галереи, и начало романа молодого писателя, научного работника Казанского университета Константина Лебедева «Люди и степени». Константину Лебедеву пишет в своем романе о жизни советского интеллигента, о борьбе на одной из кафедр научно-исследовательского института полных ученых с лжеучеными, о связи науки с практикой.

В седьмой книге этого журнала внимание читателей привлечено и раздел «Документы». Воспоминания Героя Советского Союза летчика Дмитрия Звонина рассказывают о том, какая беспокойная жизнь, полная тревог, сомнений, радостей, огорчений, побед и чрезвычайных происшествий, кроется за предельно краткими и сухими записками его «Летной книжки». «Вот она передо мной, сохранившаяся, изрядно потрепанная Летная книжка. Я перепорочиваю ее страницами, местами с трудом разбираю торжественные, тронутые временем записки и вспоминаю товарищей, полеты, бои, — словом, жизнь, в которой были не одни радости, было много огорчений и тревог, но которую я бы и сегодня не сменил ни на какую другую, пусть более спокойную, более устроенную жизнь...» Почти пятнадцать лет жизни запечатлено в записках летчика Д. Звонина.

С новыми стихами выступают в журнале В. Инбер, Б. Слуцкий и Е. Винокуров.

По традиции «Новый мир» открывается «Очерками наших дней», где Е. Померанцева и Л. Айзерман продолжают разговор о школе. В журнале печатаются окончание первой книги романа Бруно Ясенского «Заговор равнодушных» и небольшая повесть С. Залыгина «Свидетели». В номере много стихов: К. Ваншенкина, Р. Гамзатова, Ю. Гордиенко, В. Казина, В. Луговского, чешского поэта В. Незвала, а также стихи разных лет Т. Табидзе в переводах Б. Пастернака и Н. Зabolочного.

Печатаются одноактная пьеса Б. Шоу «О'Флэрти, кавалер ордена Виктории» и отрывок из радиопьесы писателя «Ответ простам».

Проблемам механизации сельского хозяйства посвящен публицистический очерк А. Казанцева. В «Трибуна писателя» — статья В. Лидина «Путь к мечте».

В «Неве» печатаются продолжение романа М. Руденко «Ветер в лицо» и начало большого романа И. Вирты «Крутые Горы». Содержание «Крутых Гор» в известной мере выражено в подзаголовке: «Картины сельской жизни». Писатель рассказывает о делах и днях одного колхоза, который выходит из отстоящих в числе передовых. В этом номере журнала читатель познакомится и с новым произведением К. Паустовского — пьесой-сказкой в трех действиях «Стальное колесо». Позднее представят читателям Б. Шахматова, Г. Поженяна, М. Соболя и В. Филиппова. В журнале напечатаны очерки И. Абрамчика «Преображение Сибири», Р. Федорова — о двух передовых колхозах и Л. Семина «Хозяин педерного горшка». Статья «Пятилетка стальных магистралей» принадлежит доктору технических наук И. Челнокову.

Как всегда, журнал «Дружба народов» печатает произведения писателей ряда республик. С новыми стихами выступают поэты Р. Братуш (Украина), Хамид Туляев (Узбекистан), С. Данилов (Якутия). Э. Онегнетев (БССР), Константина Мурзилы (РСФСР). В разделе «Литературное наследство» помещены стихи В. Монтвилля (Литва) в связи с пятидесятилетием со дня его гибели; публикуется и очерк о нем, написанный Л. Озеровым. В журнале дана посмертная публикация пяти стихотворений Л. Квитко.

В числе произведений прозы — окончание повести Г. Корсакина «Первый год», рассказы эстонского писателя В. Илуса «Осенние дни», карело-финского писателя А. Тимонена «Озеро шумит и шумит...». Раздел «В семье братских народов» состоит из двух очерков: Г. Голубева «Беспокойная машина», Б. Ларина и В. Фролова «В канун праздника».

В июльском номере «Иностранная литература» советские читатели впервые познакомятся с творчеством чешского писателя Яна Отенешки («его новым романом «Гражданин Брх» (о событиях 1948 года). Это второе крупное произведение писателя. В журнале печатаются фрагменты из поэмы Лука Фюрбергера — его первого произведения, переведенного у нас с немецкого языка. Поэма писалась в течение тридцати лет и была окончательно завершена в 1955 году. Герой поэмы — писатель, который на собственном опыте познает фальшь буржуазной цивилизации и приходит к рабочему классу, к его партии.

Большой интерес представляет публикуемая в журнале глава из автобиографического цикла известного писателя Шона О'Кейси, посвященная Бернарду Шоу.

В седьмом номере печатается также рассказ западногерманского романиста Генриха Бля «Молчание доктора Мурке», стихи югославских поэтов Душана Костича «После всего» (из сборника «Сети») и Десанки Максимович «Хлеб месит» (из сборника «Аромат земли»). Заканчивается публикация романа Г. Грина «Тихий американец».

Вечером еще за много километров до поселка Жашковской МТС Черкасской области можно увидеть рубиново-красные огоньки на ретрансляционной 55-метровой мачте. Сооруженная членами местного радиолюбительского клуба, эта вышка помогает принимать киевские телепередачи, хотя поселок находится в 150 километрах по прямой от украинской столицы.

Инициатором постройки мачты был Владимир Павленко, выпускник Украинской сельскохозяйственной академии. Когда он был назначен инженером — электриком в эту МТС и собрал свое искривленное имущество, друзья посмеивались: — И зачем ты возмешь с собою все эти радиодетали? Не до них тебе будет... Прошло некоторое время, и молодой специалист сдружился с механизаторами, организовал кружок радиолюбителей. Они и решили построить ретрансляционную мачту. Купить мачту, как известно, нельзя — промышленность не такая «мелочная» не интересуется. Мачту соорудили радиолюбители.

Теперь в клубе машиниста — тракториста и станции работает телевизор. Радиолюбители трудятся над тем, чтобы организовать ретрансляцию телепередач в больницу, школу, детский сад. Раньше об этом отдаленном селе писали, что оно электрифицировано. Потом писали, что радиофицировано. Теперь говорят: «...а также телевидено». **В. ВЕДИН**

На снимке: ретрансляционная мачта поселка Жашковской МТС

Особенности текстильного края сказываются в языке инаовцев. Нередко широко распространенное здесь слово ставит презрежого в тупик. В таком примерно положении я очутился, когда в редакции Ивановской областной газеты «Рабочий край» мне задали неожиданный вопрос:

— А с гнетом вы уже знакомы? Поскольку разговор у нас шел не о веселом переете пид, а о производительности труда в текстильной промышленности, я вынужден был признать, что вопроса не понимаю.

Мой собеседник — журналист, много лет связанный с текстильным производством, сделал вид, что он не уявлен талом ответом, тогда глаза его говорили о другом, и стал обстоятельно меня просвещать. Оказалось, что в ряду главных достижимостей текстильной области есть два показателя: ткацкий «гнет» и ткацкий «гнет». — Так называют здесь участки, где работники обслуживают рекордные количества станков. Они созданы известными всей стране ткачихами — Виноградовой и Одиновой. Слава «гнет» гремит уже более десятилетий. И сейчас на ролниковском металлургическом комбинате «Большевик» и вичской прикладной-ткацкой фабрике имени Нюнина эти «гнезы», на которых работают прославленные ткачихи Подгославца, Бакакина, Холодова, Заврикова, Родницкая, превратились в своеобразную текстильную мечку, куда ездят с соседних фабрик и даже из других областей. До войны здесь было гораздо больше подобных «гнетов», но все они оказались недоделочными. Почему же такое хорошее начинание не распространяется, а хиреет?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо было ехать в Родники и увидеть эти знаменитые «гнезы». В пути мне везло. Местный поезд — протеец современного железнодорожного транспорта, курьерский от станции Горького до комбината, отомшел на этот раз с небольшим опозданием — часа на полтора. Семь километров он проехал почти с курьерской для него скоростью — за каких-нибудь 30—40 минут. Правда, на стыках весьма чувствительно подпрыгивало, но за эти пугающие неудобства я был вознагражден знакомством с интересным человеком, старым мастером-ропиком Ильею Степановичем Кузнецовым.

По разговору, который шел в вагоне о фабричных делах, я понял, что мой сосед отлично осведомлен в них. Я спросил, кто из ткачих является высшей производительностью. Илья Степанович сухо ответил:

— Приезжайте, сходите к Доске почета. Сотрейте металлической пыль и всех сразу увидите. Только, смотрите, не влюбляйтесь в кого-нибудь, а то, пока фотографии висят, жел-то успели порядком состариться.

Кругом засмеялись. — Наш комбинат, как капля на болоте, — задушевно сказал Илья Степанович. — Нос вытиснит из прорыва в ткацкой, хвост займется в отделецкой. А от чего все беда? Вот вы из Москвы едете на комбинат, в котором работают несколько тысяч человек, а интересуетесь десятком. Разве они погоду на производство делают? Сила-то пот где, — он кивнул головой на орудающих.

Я объяснил цель моей поездки. Илья Степанович рассмеялся:

— А лаку вы с собой достаточно захватили?

— Думаю обойтись без него, — ответил я.

Леоид ЛУБАН,
спецкорреспондент
«Литературной газеты»

— Тогда трудно вам будет нашу точку зрения расслышать.
— Какую точку? —
— Нашу «гнет» — это рабочие потчичной провади. И обратите внимание, — серьезно добавил он, — не зря.

Вот и знаменитые «гнезы». Мастер участка Елена Васильевна Резник указала на невысокую женщину в белой блузке и сером халате. Это ткачиха Вера Ивановна Бакакина. Втроем мы отправились в красный уголок. Разговор длился долго, но за это время никто не потревожил ткачиху, и она, видно, была вполне уверена, что все ее хозяйство в надежных руках. Когда мы вернулись в цех, участок действовал, как хорошо заведенные часы. Вера Ивановна обошла его по узкому боковому проходу и пошла разрешать какие-то дела наверх — в фабричную контору. Внимательно и долго смотрел я за работой «гнетов» и соседних с ним участков и не мог увидеть разницы в темпах и методах работы.

В чем же «секрет» широкой славы этого участка? Он несложен. Как правило, ткачиха с помощниками ей отрывавочичей и зарплатчик работает здесь на комплексе из 72 автоматов. В «гнет» же одна ткачиха обслуживает три комплекта — 216 станков! Но для того, чтобы обеспечить возможность такой работы, кроме знатной ткачихи, в «гнет» трудятся еще три опытные ткачихи, числящиеся отрывавочичами, но работающие фактически по прямой своей специальности. К участку прикреплены также в смежных цехах валяльщики — тоже ткачихи, два валяльщика, три помастера. Они и выполняют весь комплекс работ участка, сама ткачиха фактически выполняет обязанности бригаирши. Но официально она числится единственной ткачихой.

Так образуется «рекорд» и по количеству обслуживаемых станков и по производительности труда ткачихи. Естественно, что это сказывается на заработной плате. Зароботок «официальной» ткачихи значительно превышает зароботок остальных. Потому и прозван этот участок «вотничью».

Когда в 1935 году Татьяна Ивановна Одинова — теперь начальница моталочно-снотального цеха — перешла на обслуживание 216 станков, у нее тоже были помощники. Но это были действительно подсобные рабочие. Вся работа ткачихи выполняла она одна, как и Виноградова в Вичуге.

Сейчас иное. Несложно пути, которые сделали ткачиху Гвоздеву, Барышникову, Головач «погобичами» в «гнет» Бакакиной. У них разный возраст, биографии, характеры. Сближает и делает их подружками любовь к своей профессии. И именно поэтому всех их особо гнетет недовольство пожелания, в которое они поставлены. Отлично работающие, квалифицированные ткачихи, гонимые своим трудом, числящиеся отрывавочичами. И хотя зароботок их здесь становится полнотой до среднего уровня других ткачих, от этого не уменьшаются чувство обиды.

А как же сама героиня? Это действительно замечательная ткачиха, одна из

лучших мастериц фабрики. Здесь многие рассказывали мне, что Бакакина прекрасно работала прежде и отличалась скромностью, трудолюбием. Но сейчас, беседуя с ней, невольно зловить эти качества. Почувствование к ее «вотчине», Вера Ивановна начала непринужденно. И поскольку трудно ей было подвигнуть свои позиции чем-то серьезным и убедительным, она начала произносить заученные фразы о «всеобщем» значении ее «гнетов» и производственных рекордов.

А ведь Вера Ивановна, как и А. Холодова и В. Родницкая могут, действительно, быть вожжами и вести за собой неиспеченными «рекордами», а подлинно высоким мастерством.

Что же дают эти «рекорды» производству?

— Увеличенный процент брака и более высокую себестоимость продукции по сравнению с нормально действующими комплектами, — говорит помощник заведующего ткацкой фабрикой И. Бакакина.

— Естественное возмущение остальных ткачих и беспрерывные склоки в «гнет», — рассказывает мастер участка Е. Резник.

— Дисциплина новаторских методов и подлинного социалистического соревнования, — вторит им инженер отдела организации труда гласка С. Позовалин.

Характерно, что о вредности и нецелесообразности подобных «гнетов» мне говорили и начальники гласка хлопчатобумажной промышленности области С. Стогов, и директор комбината, и инспектор ЦК союза рабочих текстильной и легкой промышленности. Но... никто не решается посягнуть на этот аннаксизм.

Характерно и другое. Когда я приехал в Вичугу, чтобы познакомиться с другим «гнетом», оказалось, что там фабричные организации по требованию рабочих уже ликвидировали его по секрету от начальства. Это произошло совсем недавно, но первые же дни работы отдельных комплектов, когда каждый работал сам за себя, дали отрицательный эффект — уменьшилась производительность, снизился брак.

— Показуха! — так говорят о «гнет» рабочие.

В этом резком, может быть, мало литературном, но остром и верном слове скрывается гневно-презрительное отношение советских людей к чужеродному, но, увы, нередко имеющему в нашей жизни.

В жертву «показухе» приносится здравый смысл и экономическая целесообразность не только на текстильных комбинатах. Порой мы сталкиваемся с ее различными наплывами на больших заводах, в санаториях, в архитектуре (там она именуется украшательством), в стенах учебных заведений...

Мастера «показухи» спекулируют на стремлении советских людей к новаторству, на тяготении ко всему прогрессивному.

«Гнезы» в Родниках и подобные ему «показухи» несомненно с принципами социалистического соревнования. Вель в тех же Родниках, Вичуге, Шуе, Иваново, Фурманове есть замечательные коллективы, показывающие подлинное, социалистическое отношение к труду. Они богаты чувством действительного нового, только легким увлечением ненужной декоративности можно объяснить то, что деловые люди и совсем неплохие руководители до сегодняшнего дня тематся «гнетами».

В нашем деловом, трудовом, творческом сегодня не должно быть этого!

ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

МНЕ бы хотелось поделиться впечатлениями о нашей поездке с женой из Москвы в Одессу и из Сочи в Москву.

Речь пойдет не о курорте, где довелось нам отдохнуть, а о том, что мешало нашему отдыху, — я имею в виду многие неудобства пути.

Начну с самого общего и, на мой взгляд, одного из наиболее серьезных недостатков пассажирского железнодорожного движения — со скоростью движения. Скорый поезд в Одессу и скорый из Сочи, на которых мы ехали, просто тащались, по-другому это назвать нельзя. Доходило до того, приходилось читать в газетах о скоростном движении поездов, об ускорении движения и т. п., но все это касалось, очевидно, в основном товарных составов.

Как приятно слезть по расписанию важдением своего поезда, готовиться к прибытию на ту или иную станцию. Увы, никаких расписаний поездов дальнего следования для пассажиров ныне не существует! Лишь проводник имеет расписание «для служебного пользования». Давно пора наладить массовый выпуск расписаний для пассажиров (это особенно важно для туристов) с указанием графиков движения.

Во всех ли поездах дальнего следования имеются вагоны-рестораны? В скорых поездах они есть, а в пассажирских их, как правило, нет. Почему — непонятно. К тому же станционные обслуживания поставлено плохо. Рестораны Тулы, Ола, Бурска, Ростова, славившиеся в недавнем прошлом, пренебрегаются сейчас нужными пассажирами. Так называемый «транситный» езд рассчитан на 15—20 человек. Да и санитария, захватывающее место за ним, не всегда удается поехать из-за сокращения стоянок.

Еще хуже обстоит дело с пристанционными колхозными рынками. Только из уст бывшего пассажира услышано, что не так давно Мясек славился блоками, Понеры — жареной птицей, Маршело — дымками «колхозника» и копченой рыбой, станция Кавказская — арбузами и дынями, раками, вареной кукурузой — «шпичкой»... Исчезло все это не потому, конечно, что местным колхозникам нечем торговать или ленятся они выносить свою домашнюю снесь к поездам.

От редакции. Не случай из ряда вошедший заставил доцента А. Иванова взяться за перо. Нет. Все, что нам пишет он, происходит на многих дорогах страны, а неудобства, с которыми он сталкивался, испытывают во все времена гола курортники, командировочные, туристы — вся многочисленная армия, именуемая пассажирами.

Вопрос, поднятый автором письма, нам кажется, очень важный, ибо речь идет о том, как обслуживают на железных дорогах советских людей.

Если человек, отправляясь в поездку, предпочитает скорый поезд пассажирскому, значит, для него далеко не безразличен фактор времени.

Предложим внимание читателя небольшому замечанию не то Малину-Буренину, а из практики движения поездов на некоторых наших дорогах. Вот наглядный пример из прошлого года расписания: пассажирский поезд № 41 Москва—Симферополь прибыл к конечному пункту на 12 минут... быстрого скорого № 19. Пассажирские же поезда № 49 и 50 Москва—Сочи вели себя еще более резко — им было положено по расписанию обогнать скорый № 23 на час.

Нет, скорый поезд должен быть скорым не только по названию. К сожалению, эту ясную истину приходится доказывать.

Главный инженер Главного пассажирского управления Министерства путей сообщения тов. Васильев, начальник пассажирской службы Московско-Рязанской железной дороги тов. Аладин и заместитель начальника пассажирской службы Московско-Курского

В путь-дорогу дальнюю...

Дело в другом. Станционные начальство и особенно железнодорожная милиция, забывшая, что колхозная и пренебрегая удобствами пассажиров, по существу, ликвидировали пристанционные рынки.

Нет, скажут мне, рынки есть. Да, но кому они нужны на расстоянии чуть ли не километра от станции, загороженные станционными путями и зданиями! Порядок на станциях нужен, против него никто не возражает, но станционные рынки — это не беспорядок, а полезная традиция местных колхозников. Эту традицию нужно поощрять, отвлекая для рынков удобные и близкие к пассажирским платформам места.

Еще один вопрос. Мне часто приходится слышать и читать о комфортабельности цельнометаллических вагонов. Думаю, и тут нужны поправки. Во-первых, об окнах. Не знаю, что по этому поводу думают конструкторы этих вагонов, но мнению пассажиров единодушно: окна не только неудобны, но даже неприятны. Двойные, вечные запаленные и в грязных потеках, грязное стекло и узкая щель на высоте глаз человека выше среднего роста. Смотровые через такое окно неприятно и неудобно, пылы они пропускают не менее, чем любое другое окно, а свежего воздуха — значительно меньше. Почему окна нельзя сделать поднимающимися или опускающимися хотя бы на половину их высоты?

И, наконец, об обслуживании пассажиров в вагонах. Как правило, в купе и в коридорах (на полу) чисто. Применяются пылесосы, что очень удобно, но стекла окон всегда грязны, даже когда поезд отходит от конечной станции. И самый удручающий факт — это генеральная уборка вагонов до выхода из них пассажиров. За два часа до «прихода» поезда в Москву поднимается и свертывается половики, собираются постельные белье, свертываются матрацы. В вагоне стоит плотная завеса пыли, проводники снуют, мешают пассажирам. Как нам раздвинуть проводники, от них требуют, чтобы к приходу поезда в столицу все было убрано. Трудно поверить в это. Неужели все это нельзя сделать после выхода пассажиров из вагонов?

А. ИВАНОВ,
доцент Московского авиационно-технологического института,
кандидат технических наук

Донбасской железной дороги тов. Чуренин в беседе с нашим корреспондентом согласился с тем, что графиком движения скорых и пассажирских поездов дело обстоит неблагоприятно и что немало еще неиспользованных резервов для повышения маршрутных скоростей.

Вниманию Министерства путей сообщения должны привлечь не только это, но и другие вопросы, связанные с обслуживанием пассажиров, поднятые доцентом А. Ивановым. Например, отсутствие в некоторых поездах дальнего следования вагонов-ресторанов. Ответственные работники транспорта, с которыми беседовал наш корреспондент, выдвигают различные причины недостатка вагонного парка, нецелесообразность включения ресторана в состав, так как это уменьшает количество пассажиров, перенатянутость вагонов-ресторанов в пассажирских поездах...

Так ли уж все эти причины? Ведь никто не придет в голову закрыть столовые, чтоб расширить жалую площадь для населения. Почему же считается нормальным лишать дорожную столовую людей, находящихся в дороге пять и более дней? А если к тому же пристанционные рынки отнесены на такие расстояния, которые могут преодолеть только чемпионы по бегу, легко представить себе положение пассажира.

Хотелось бы, чтобы на письмо доцента А. Иванова, Министерство путей сообщения руководствовало теми же соображениями, что побуждали автора взяться за перо, — заботой об удобствах пассажира.

Искаленные книги

Подписчик стоит у прилавка книжного магазина № 90 Москвитинского. Перед ним — десяток книг пятнадцатого тома собрания изданий Баласа, и все эти экземпляры бракованные.

Продавец пытается объяснить подписчику: «К сожалению, немало книг поступает в магазин в таком виде. Вот перед вами тома других изданий. Они не лучше».

В чем же дело? Может быть, книги доставляются издалека? Но нет, в данном случае они выпущены 1-й Образцовой типографией, находящейся от магазина не более чем в двухстах метрах.

Стоявший перед прилавком подписчик задает многочисленные вопросы: почему углы книги загнулись, почему корешки помяты, почему переплеты испачканы клеем и у новых книг вид таков, словно они уже были у десятка неаккуратных читателей?

Проникнувший к этому, что из цехов типографии на книжную базу, находящуюся на территории этой же типографии, книги передаются по деревянным люкам, сооруженным еще до революции. Главкниготорг Министерства культуры СССР, которого, казалось бы, сохранение книг должна волновать больше, чем кого-либо другого, не приступает к установлению ленточных транспортеров.

Опыт доказал, что книги, уложенные в картонные коробки, при транспортировке сохраняются лучше. Однако Главкниготорг не может решить окончательно, кто должен оплачивать стоимость коробов — полиграфия или книготорговля?

А пока... книги сотнями поступают в магазины с явным браком.

Из секции подписных изданий мы заходим в другие отделы книжного магазина. Нам открывают лавку книг с наклейкой: «В. Брестский. «Визу». Эту книгу с нетерпением ожидает несколько человек, во-первых, Восток книги В. Брестского, отпечатанной в 1-й Образцовой типографии, в лавке оказались учебники по арифметике для третьего класса.

И это — не единственный случай. Ростов-на-Дону и Ленинград получили лавки книг с наклейкой «Саватлов, Ботостров», внутри которых оказались учебник Пешко «Арифметика».

Аналогичную путаницу допускают и другие московские и ленинградские типографии. Советский потребитель требует положить конец подобным безобразиям.

Н. СИДОРОВ,
директор магазина № 90 Москвитинского
Г. АХТЯМОВ, Г. ФИДЛЕР,
сотрудники Московской книжной базы
Главкниготорга

Ждем приложений

Многие из нас, читателей старшего поколения, хорошо помнят, как в свое время журнал «Вокруг света» выходил в двух изданиях — московском и ленинградском. И оба издания пользовались вполне заслуженным успехом у читателей.

Причина этого успеха была, между прочим, и в том, что оба журнала давали приложения — книги, заметки, заметки, заметки. «Вокруг света» московского издания рассылал подписчикам сочинения Жюль Верна, ленинградского — произведения А. Конан-Дойла и других писателей.

Мне кажется, что редакция журнала «Вокруг света» следовало бы подумать над возобновлением выпуска приложений: их в большом нетерпении и уже не первый год ждут многочисленные читатели.

А. МАЦИЛЕВИЧ
ДУВРОВО, Витебская область

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ШКОЛА И ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБУЧЕНИЕ»

Как уже сообщалось в печати, в 1954/55 учебном году на Украине было положено начало интересному эксперименту. В шести общеобразовательных средних школах республики было введено производственное обучение старшеклассников. Смысл такого обучения заключается в том, чтобы к моменту окончания школы дать учащимся, вместе со знаниями, предусмотренными программой, еще и определенную специальность. Этот эксперимент нашел широкую поддержку среди педагогов и производственников.

Школы и предприятия добились определенных успехов в производственном обучении старшеклассников, встретились им и немало трудностей. Об этом рассказала в № 134 «Литературной газеты» за 1955 год директор Киевской школы № 66 Т. Палладиева. В статье «Школа и производственное обучение» она подвела итоги первого года работы по-новому и предъявила ряд требований сотрудникам Украинского научно-исследовательского института педагогики, которые еще плохо помогают учителям, работающим в школах с производственным обучением.

Опыт шестидесяти и других школ широко распространился на Украине. В докладе на XIX съезде Коммунистической партии Украины, состоявшемся в ЦК КПУ тов. А. И. Курченко говорил, что в республике уже насчитывается 259 школ-десятилеток со специализированными классами, где учащиеся получают производственную квалификацию. Намечено организовать такие классы еще в нескольких школах.

Как же обстоит дело в Украинском научно-исследовательском институте педагогики, что сделано его сотрудниками для решения проблем, стоящих перед школами с производственным обучением?

На эти вопросы корреспондент «Литературной газеты» руководитель Украинского научно-исследовательского института педагогики тов. Н. Грищенко ответил следующим образом:

— Наш коллектив обсудил опубликованную в «Литературной газете» статью Т. Палладиевой, содержащую ряд справедливых замечаний в адрес института. После этого мы приняли меры для оказания практической помощи педагогам, работающим в школах со специализированными классами. Ути опыт этих школ (в том числе и шестидесяти) по обучению учащихся теоретическому, фрезерному и слесарному делу, мы составили новые учебные планы и программы для восьмых, девятых и десятых классов. Эти программы и учебные планы одобрены Министерством просвещения УССР и изданы.

Материалы об опыте работы школ с производственным обучением демонстрируются на постоянно действующей республиканской педагогической выставке.

В тематический план работы института на 1956 год включено 13 тем, связанных с вопросами политехнического и трудового воспитания школьников. Готовится к печати сборник материалов, освещающих опыт школ с производственным обучением.

Знаменитые художественно-фильмы по мотивам очерков В. Овечкина «Районные будни» (режиссер-постановщик фильма В. Войтецкий, главный оператор Ж. Мартов).

На снимке: сьемка одного из эпизодов фильма. В роли секретаря райкома артист А. Гончаров (слева), в роли председателя колхоза артист Е. Гуров.

Фото А. Нестерова

„Старшой“

Так называется одна из глав книги, посвященной жизни и творчеству А. С. Серафимовича.

Истине страницы этой книги, и в памяти возникают различные эпизоды, связанные с обликом этого замечательного, мужественного человека, старого революционера и прекрасного писателя.

Писателям нашего поколения повезло: часто встречались с Александром Серафимовичем, пользовались его советами, выслушивали его непринужденную, подчас весьма суровую критику.

В его маленькой квартире на Красной Пресне часто собирались молодые рабочие-писатели, члены кружка «Рабочая весна» и «Молодая гвардия». Дмитрий Фурманов читал главы из «Мятежа», потом много позже совсем юный Борис Горбатов читал стихи и первые зарисовки комсомольской жизни. Потом, еще позже, Михаил Шолохов рассказывал о своих творческих планах.

Как-то необычайно теплы были эти встречи на квартире Серафимовича. На столе по старинке кипел самовар. Молодые писатели делились своим еще небогатым опытом. А потом наш старший, внимательный и добрый дядя, рассказывал о жизни и борьбе своего поколения, о Владимире Короленко, о Максиме Горьком, Скитальце, Леониде Андрееве, о литературных событиях 1905 года, о боях на Пресне...

Самая жизнь этого человека представляет материал для большого настоящего романа. Хорошо сделала Лелитза, выпустив в свет книгу Р. Хигероича «Путь писателя». Это же роман и не повесть. Это скорее беллетризованная биография. Однако в ней нет

А. ИСВАХ

3 А ПОСЛЕДНИЕ годы все чаще и чаще можно услышать призывы к повышению художественного мастерства. Я тоже далека от намерения утверждать, что только важность темы решает судьбу книги. Однако мы должны внимательно следить за тем, чтобы в таких разужениях не упали в противоположную крайность. Творческая деятельность советских писателей в целом оценивается еще и другим критерием, неразрывно связанным с критерием художественности: отражается ли в литературе самое важное, самое существенное в жизни народа, самое освещение находят наиболее значительные области нашей жизни, верно ли, правильно ли показывают писатели лицо своей страны.

Мне хотелось бы затронуть одну из наиболее существенных проблем, стоящих перед советской литературой, — проблему изображения рабочего класса. Я буду говорить об этом на примере узбекской литературы, но насколько мне известно состояние дел в других республиках, — эта проблема волнует всех советских литераторов.

От писателей требуется разностороннее освещение жизни: нужны произведения о труде колхозного крестьянина, об интеллигенции. Но никто не станет спорить, что без яркого образа рабочего современного социалистической промышленности наша литература в целом не может быть полноценной и по-настоящему реалистической.

Что прежде всего привлекает внимание в образе Советского Узбекистана? За годы пятилетки здесь вырос крупный отряд рабочего класса, который достоин монументальных художественных образов. В республике на наших глазах создаются не только сложные машины и станки, но и целые, бурно растущие промышленные центры — Чирчик, Беговат, Ангрен, Инги-Юль, Лениск. В тяжёлые годы Отечественной войны неядерные темпы возмужали металлургический завод имени Ленина и знаменитая ФархатГЭС. Сейчас развернулись работы на стройках шестой пятилетки.

В местечке Калмакыр, близ Алматы, как сонце в калде воды, можно увидеть все богатство трудовой жизни сегодняшних героев. У подножия Бураимского хребта раскинулся строительная площадка Алма-Атинского металлургического комбината. В строительстве этого нового индустриального гиганта принимают участие все страны, многие дружественные народы. Рабочие Алматы получают мощные экскаваторы с уральского завода, самосвалы с уральского завода, с Минского автозавода, 150-тонные электровозы.

Для того, чтобы возмужать все эти величественные сооружения, овладеть новейшей техникой, развивать современную промышленность, понадобились новые люди, люди кипучей энергии, высокой духовной культуры. Какой богатый материал представляют они для художника социалистического реализма!

Но как повлиять эти грандиозные исторические изменения в жизни Узбекистана на нашу литературу? Не должно ли нас тревожить, что в узбекской литературе до сих пор нет ни одного запоминающегося образа рабочего, почти ни одного значительного произведения о рабочем классе? На мой взгляд, эти вопросы имеют принципиальное, политическое значение. От их решения зависит степень правдивости литературы, уровень ее идейно-художественного богатства.

Наши читатели, то есть люди, которые должны быть героями наших книг, не удовлетворены сегодняшним состоянием узбекской литературы. Недавно в «Ташкентской правде» было напечатано открытое письмо трудящихся города Чирчика «Властям и товарищам писателям». Чирчик, поlyingший на пустом месте за полтора десятилетия, пока не удостоился даже маленького очерка, хотя тапкентские писатели живут совсем рядом. Призыв чиркичан, конечно, означает не просто желание увидеть свой город на страницах книг (хотя это вполне законное желание), но и хозяйское беспокойство за состояние литературы, страстную заинтересованность в ее развитии.

В свое оправдание иные писатели выдвигают возражение, что нельзя писать сразу, по горячим следам событий, — нужна, мол, дистанция во времени. Не стоит приводить общезвестных примеров, опровергающих этот довод. Но пусть даже так, пусть пятнадцатилетий давности. В Узбекистане есть и старейшие рабочие коллективы, имеющие славные революционные традиции. Паровозоремонтному заводу имени Кагановича скоро исполнится 60 лет. Его многотысячный передовой рабочий коллектив когда-то создавал первые революционные отряды Ташкента. На этом материале можно было бы художественно воссоздать историю различных поколений рабочего класса Узбекистана.

Среди некоторых части писателей возникло своеобразное оправдание собственной пассивности. Такие литераторы, ссыла-

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

ТЕМА РАБОЧЕГО КЛАССА

Асқад МУХТАР

яса на бесспорное положение, что основным объектом художественной литературы должен быть человек, утверждая, будто не имеет никакого значения, пишешь ли ты о кадровом рабочем или о сборщике утильсырья; все равно, лишь бы был изображен человек с его внутренним миром, характером, психологией. Об этом говорит, конечно, вселозна, тезис далеко не разбивается.

Такая «теория» оказывается на руку людям, случайным в литературе, не знающим жизни и не желающим серьезно изучать ее. Разумеется, легче написать о парикмахере, с которым встречался через день, чем о мастере-сталеваре, к которому еще надо ехать на завод, изучать его дело, ходить в круг его интересов. Не этим ли объясняется извечная тематика многих произведений узбекских писателей? В сборнике «Люди и годы» (Узгосиздат, 1955), где собраны почти все последние рассказы писателей Узбекистана, нет ни одного образа промышленного рабочего. Подобно этому сборнику и новые книги рассказов, выпущенные Узгосиздатом за последнее время (С. Зунунов, С. Абдулхахмат, А. Якубова и других). Домохозек, председатель кустарных артелей, зубных техников, заводских в них хоть отбавляй; а вот рабочего, главного героя нашего времени, вы в этих произведениях не найдете. Я ничуть не намерен пренебрегать трудом брадобрей или зубного техника. Но мы должны думать и об общественной важности дела, которым занят герой, о том месте, которое занимает его труд в жизни всей страны.

То, что в узбекской литературе написано о рабочем классе, — еще мизерно мало и, самое главное, художественно беспомощно. Возьмем хотя бы одно из последних произведений — повесть С. Волгина «Зорка». Персонажи этой повести не вызывают интереса, охарактеризованы они очень приблизительно, почти протокольно: «Много лет проработал на заводе Викентий Викторович, во всех цехах были его ученики» — от простых токарей до мастеров. Последние пятьдесят лет он ни одного дня не был без ученика. И поэтому везде встречался его ласково, с душевной теплотой, как милого человека и заботливого наставника». В самом деле, Викентий Викторович в повести оказался только наставником:

— А ты, Мишутка, старайся. Самое главное — хорошо работать...

— Знай одно: внимательно работай, браку не допускай... Души больше вкладывай в дело.

Надождать скучные, стандартные портреты. Например, у всех стариков автор не видит ничего, кроме морщин: «Стариком поразил Гришу. Лицо его было сплошь покрыто мелкими морщинами». «Отец унаследовал от матери... охрудевшие улыбки, как у старика». У Якова Ильича «лицо было покрыто морщинами, как лагуна».

Но самое уязвимое у Волгина — это облегченное описание. Слегка памятные противоречия между главным героем и началом сглаживаются... в первой же главе и вскоре исчезают. Читатель еще не дошел и до середины повести, а героем уже нечего делать, и они все (все!) потянулись на ноль, а на своем заводе ничего не решали.

Правда же, такую неинтересную жизнь можно только придушить. Украинский писатель Т. Гонты издал роман «Гонты». Но эта книга о нефтяниках Узбекистана, книга, написанная на жизненно важную для нашей республики тему, не восполнила пробела, образовавшегося в узбекской литературе. В романе Т. Гонты как бы нарочно собраны все недостатки тех произведений, которые у критиков иронически называются «производственными романами». Отдельные герои настолько «производственны», что у них даже температура во время болезни зависит от успехов на производстве. Автор старается охватить как можно больше событий эпохи 30-х годов, но они даются хроникально, за ним опять-таки не видно людей.

Писатели, провозглашающие: «изобразить человека, кто бы он ни был», — не видят или не хотят видеть деловых будней социалистического строительства, оторван от насущных нужд литературы. Герои нашего времени — рабочие, колхозники, интеллигенция — это творцы, создатели материальных и духовных благ. Об их труде и должны писать наши самые талантливые писатели. Правда, у каждого писателя свои темы, которые он больше любит, глубже

знает, которые лучше ему известны. Но партия учит нас всегда учитывать конкретные обстоятельства, отвечать на потребности общества.

В условиях нашей республики, где не все темы имеют своих мастеров, нужно срочно искать какой-то выход из положения. Если тема рабочего класса является ведущей, то не значит ли это, что мы должны перебраться на этот участок соответствующие силы, то есть лучших писателей. Я знаю, иные скажут — нельзя перебрасывать писателей. Значит, писатели сами должны перебраться, пойти туда, где они нужны всего. Нам следует почтительно вспомнить Алексея Максимовича Горького. Он всегда знал, где более всего нужен его могучий талант. Он писал обо всем, но рабочему человеку он посвящал цвет своего дарования. Вспомним, какое большое значение придавал Владимир Ильич повести «Мать», ее современности.

Мне кажется, что отмеченные мною выше недостатки сегодняшней узбекской литературы, ее тематическая неполнота объясняются прежде всего творческой робостью, боязнью трудностей, которые, конечно, неизбежно возникнут, если писатель поставит, наконец, перед собой задачу — глубоко и конкретно проникнуть в жизнь. Желание вторгнуться в нашу действительность у писателей есть, а пот смелости и упорства не хватает. Ничего как же объяснить следующие факты? Писатель И. Сафаров несколько лет назад начал писать повесть о молодых металлургах Беговата и не закончил ее, прекратил работу. Поэт Р. Вабаджанов два года трудился над повестью о рабочих Маргеланского железнорудного бассейна. Теперь он ее не пишет, оставив ее на полпути. Мирмухсин декларировал свое намерение написать роман о шахтерах Ангrena и бросил работу, написав лишь несколько глав. Не окончили своих пьес драматурги Сабир Абдулла и Тугрун и т. п. и т. п. Видимо, сложность и своеобразие темы пока что оказывают сильное упорство и мастерства этих писателей.

Понятно, что изображение рабочего класса в литературе — это область не для тех, кого пугают первые неудачи. Простыми, стоящими здесь перед писателями, особенно в таких республиках, как Узбекистан, очень широки и сложны — надо показать совершенно новый тип людей, завоевывая свой труд, людей, за 20—30 лет прошедших путь от скотоводства-кочевничества к забитого дехканства-хлопководства до умелого, широко мыслящего рабочего современной индустрии, надо тонко и убедительно изобразить руководителей промышленности, нарисовать многообразную общественную жизнь коллектива.

Созданный советским строем и воспитанный партией и славным русским рабочим классом молодой рабочий класс Узбекистана воплощает в себе все лучшие качества трудового народа; он не только создает материальные богатства республики, но оказывает решающее воздействие на духовную жизнь масс.

Мне кажется, что именно это сумел подметить молодой писатель И. Кадиров в небольшом рассказе «Эркин». Роль, значение рабочего класса автор стремится показать через раскрытие психологии членов простой узбекской семьи. Один из сыновей туеши Туты — Эркин — квалифицированный рабочий, другие трудятся в колхозе, в торговой системе, сама мать — домохозяйка. Ведущее влияние принадлежит Эркину. В семье он приносит лучшие качества своего коллектива — собранность, трудолюбие, уважение к товарищу, передовые мысли, высокие моральные качества. Эркину часто приходится трудно. Его горячая любовь к Карася встречается сопротивление почти всех членов семьи. Мать не может представить себе: невеста — машинист паровоза! Брат тоже не может понять: ведь она неделями бьет в реи, кто тебя встретит с работы, кто посмотрит за домом, кто будет ухаживать за мамой! В этом столкновении членов семьи проявляются различные точки зрения на семью, на любовь, на труд, на родственные отношения. И в рассказе, как и в жизни, побеждает передовая, советская, социалистическая мораль.

Правда, молодой автор не смог избежать некоторой идиллическости и излишней правдоподобности (особенно в конце произведения), но рассказ «Эркин» можно считать одной из удачных попыток цельного изображения жизни рабочего человека, с ее социальными и национальными чертами...

Мы живем в эпоху великих дерзаний и свершений. Мы свидетели того, как претворяется в жизнь исторические решения XX столетия. В таких условиях глубоко проникновение в жизнь, в характеры людей — тружеников промышленных предприятий стало особой неотложной задачей для всех советских писателей. В докладах наших рабочих классов проявляются истинная красота и талант нашего человека. Нет ничего почетнее, как показать современника во всей его красе, с его высокими помыслами и богатством чувств.

ДНЕВНИК ИСКУССТВ

«Вагиф»

Сцена из спектакля «Вагиф»

Фото И. Кашинского

Азербайджанский государственный театр русской драмы поставил пьесу «Вагиф» Самеда Вургуня.

Одно из главных достоинств пьесы Самеда Вургуня о замечательном азербайджанском поэте и мыслителе XVIII века состоит в том, что жизнь Вагифа показана в неразрывной связи с жизнью народа, с его борьбой против местных и иноземных паразитов. Лирические сцены здесь перемежаются с эпическими, реализм сочетается с романтизмом, поэзия — с философией. Все это делает пьесу трудной для постановки, требует от исполнителей большой культуры и опыта. Вот почему постановка «Вагифа» в Азербайджанском театре русской драмы — значительное событие в культурной жизни республики.

Постановщиком А. Искендеров и Т. Гольдасовой удалось создать интересный героико-романтический спектакль, насыщенный ярким национальным колоритом.

В спектакле много актерских удач. Наибольший успех выпал на долю К. Мянхисева — исполнителя центральной роли. Его Вагиф смел, умен, благороден. С особой силой эти качества проявляются в словесном поединке поэта с иноземным

Балетная рецензия

«Неужели эту Верочку я напелкал?!» — воскликнул Тургенев, увидев Савину в спектакле «Месяц в деревне».

Такова природа театрального творчества! То единое целое, что видит зритель, — итог согласованных усилий авторов и участников спектакля. Так и в балете. И здесь спектакль — синтез работы драматурга, композитора, балетмейстера, дирижера, художника, исполнителей. Не все слаженные спектакли равноценны. Тут на помощь зрителю приходит критик. Времена досужных балетоманов отошли в вечность, и дело балетного критика теперь — такая же профессия, как и все другие, она требует мастерства, тут надо знать, понимать, уметь. Вот несколько статей, посвященных бесспорно значительным работам балетного театра и опубликованным в центральной печати.

Из статьи М. Долгополова о «Лауренсии» в Большом театре («Известия») не трудно заключить, что ее автор любит балет, любит танец, что его радует новая удача нашей хореографии. Но о том, что спектакль Чабукяни — один из первых советских «национальных балетов» о наивысшем хореографическом принципе взаимодействия народного и классического танца — об этих достоинствах «Лауренсии» в статье М. Долгополова ни слова. Впрочем, в одном месте критик замечает, что «танцы не заслоняют идейной основы балета».

Увы, не подозревает он, что эти слова похвалы. Все равно, как если бы сказать, что стихи Лопе де Вега не заслоняют идейной основы драмы.

Н. Эльшиш пишет о той же «Лауренсии» в «Советской культуре» профессиональное, серьезное. Однако критику не удается четко обосновать свое сомнение в том, что она не является танцевальной праздничностью и щедростью «Лауренсии». Он сетует, что постановка Чабукяни не является нечерепашьим Лопе де Вега. «Более глубоко и тонко изучено искусство танца, позволив балетмейстеру решительно и смело преодолеть недостатки либретто, которые во многом сковывают и ограничивают его фантазию».

Н. Эльшиш, полагая, что постановщик чего-то недочитал, а дочитал бы, и спектакль сразу бы преобразился. Жаль, что критик ни словом не обмолвился о природе музыкального драматургии балета. Драматургия балета — это прежде всего музыкальная драма. Простая истина, которую Чабукяни в партитуре А. Крейна? Если бы критик обнаружил такого рода упущения, его советы могли бы пойти на пользу. Но, вероятно, он не стал бы тогда называть, например, танец фламенко, один из композиционных важных танцев развернутой сюиты второго акта, «вставным номером».

Он стал бы хвалить только исполнительницу за то, что ей удалось «вставить» вставной номер в образный строй всего спектакля. Иначе из чувства простой последовательности ему пришлось бы превозносить за то же самое и многих исполнителей финальной сюиты «Спящей красавицы». Если продолжить анализ рецензий, посвященных премьере «Лауренсии», то и В. Кригер — опытный мастер балетного театра — не доказывает в «Литературной газете» своих обвинений в адрес великой танцевальности спектакля.

Есть разные принципы и разные течения в советской хореографии: одни балетмейстеры отдают предпочтение танцевальному решению действия. Но стоит ли убивать, что Чабукяни провозглашает в «Лауренсии» свои творческие принципы с такой щедростью именно танцевально-красочной? Да, критик может и должен иметь личные пристрастия. Одно из течений может казаться ему наиболее плодотворным, самым обещающим. Все это так. Но когда он скорбит о том, что

и художники. В фильме нет скупой дидактики. В нем много веселого, забавного, но и серьезное в нем тоже есть.

Итак, одним из лучших мультфильмов стало больше. Маленький Нильс из шведской сказки радует сегодня наших ребят. Но ни этого мало. Они хотят увидеть героев мультфильмов и Буратино, и Гулливера, и Монхузена, и Чиполлино из сказки Родари, и Тибала из «Трех толстяков», и нужные герои сказок Андерсена, братьев Гримм, им нужен волшебный конек-горбунчик. Хотят дети, а вот взрослые, наравняя, не прочь увидеть в мультфильме и шедрических «гупуцев», и «Мистерио-буфф».

На студии нам сказали: «Мы не делаем полнометражных фильмов, это считалось нерентабельным и ненужным». Так ли это? Разве не выиграл бы тот же «Закладочный мальчик», если бы он был полнометражным? Разве не жалко многих эпизодов сказочной эпопеи Сельмы Лагерлеф, которые остались «за бортом» фильма? Будет ли мультфильм хорошим, будет ли интересным, будет ли верен себе, — зритель придет к настоящему искусству всегда есть аудитория. Есть она и у мультфильма.

В. ШИТОВА

КНИЖНЫЕ БАЗАРЫ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ

Книжные магазины города Куйбышева организуют на предприятиях города книжные базары.

На Подшипниковом заводе большим спросом пользуется политическая, техническая, художественная детская литература. Здесь в первые дни базара рабочими и служа-

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

Объединение молодых критиков. При Ленинградском отделении Союза писателей СССР создано объединение молодых критиков (руководитель П. Громов).

Комиссия по литературному наследию Д. Медведя. Секретариатом Союза писателей СССР создана комиссия по литературному наследию Д. Медведя в составе В. Белева, А. Барыкина и П. Вершинина.

О людях Дальнего Востока. На днях собрания Хабаровских и приморских писателей обсудили тематику литературно-художественного сборника, который будет посвящен людям Дальнего Востока, их трудовым делам. Сборник должен выйти в издательстве «Советский писатель».

Памятник Антоса Гира. Общественности Литвы отметили десятилетие со дня смерти народного поэта республики Антоса Гира. В Нарвском на доме, где он родился (улица А. Гира, № 26), состоялось открытие мемориальной доски. Были возложены цветы на могилу писателя.

ПАРОДИИ ЛИРИЧЕСКИЕ МОТИВЫ

Я один
Грустно. Тяжело. Тяжело.
Мутно. Противно.
Мы до этих пор с женой
Жили коллективно.
Бури. Ветры. Снежинки.
Все прошло. Не надо!
До свиданья! Ни руки,
Ни строки, ни взгляда.

МЫ В ДВОЕМ

На столике лампочки пахнут воском,
За столиком я и жена.
Я говорю ей так нежно: «Сю-сю»,
«Сю-сю», — отвечает она.
Она у меня лаборант, дипломант,
Окончила то и се.
А я очень скромный, не гений —
Талант неповторимый. И всё.

Мой Кусик, мой Дусик, мой Пусик, мой Пу...

Уютно тебе и мне.
Булочники мы скушаем и на борьбу
Выйдем на радость стране.
Среди ошейков по душе нам изюм,
Средь звуков — одна тишина.
«Сю-сю, моя милая, слышишь? Сю-сю!»
«Сю-сю», — отвечает она.

УСПЕХИ, ТРУДНОСТИ, ПЛАНЫ

Беседа с корейским писателем
Се Ман Иром

В Москве по приглашению Министерства культуры СССР гостит первый секретарь Союза корейских писателей Се Ман Ир. Корреспондент «Литературной газеты» посетил корейского писателя и попросил его поделиться своими мыслями о значении визита председателя кабинета министров КНДР товарища Ким Ир Сена в Советский Союз и рассказать о сегодняшнем дне корейской литературы.

— Трудно говорить о том, что передалось от сердца к сердцу, — сказал Се Ман Ир. — Каждый кореец знает, как много значат для нашей республики дружба с Советским Союзом, и поэзия товарища Ким Ир Сена в стране победившего социализма я расцениваю, как один из важных моментов укрепления дружеских связей между нашими народами. Мне довелось быть в Румынии во время пребывания там товарища Ким Ир Сена. И я до сих пор помню ту теплоту, с которой встречали его румынские труженики, и мне хочется, чтобы поэзия вышедшего из наших государственных деятелей в СССР являлась своего рода символом того духа сотрудничества и глубокого взаимопонимания, которым проникнуты отношения между нашими странами.

— Вас, конечно, интересует положение дел в корейской литературе, — продолжал Се Ман Ир. — Прежде всего я расскажу о лауреатах Государственных премий этого года. Среди прозаиков, удостоенных Государственных премий, на мой взгляд, следует выделить молодого писателя Квон Дон Дэна и писательницу Ли Ден Сук. Первый из них получил известность как автор ряда рассказов. Здесь есть и произведения, посвященные освободительной борьбе нашего народа (особенно удачен из них рассказ «Передача») — о боевом содружестве корейских и китайских разведчиков, и рассказы о повседневной жизни тружеников Кореи. Молодой автор показал себя в этих произведениях зрелым писателем, способным самостоятельно решать сложные творческие задачи. Писательница Ли Ден Сук удостоена премии за рассказы, сюжетом для которых послужили подвиги корейского народа в освободительной войне, и очерки о кооперировании в деревне. Это — актуальный отклик на события нашего сельского строительства последних лет.

Ким Сун Сок — известная имя в корейской поэзии. В 1954 году он побывал в СССР, много ездил по нашей стране, знакомился с жизнью разных советских республик. Творческим итогом этой поездки явился цикл стихотворений о Советском Союзе, за которые поэт был отмечен Государственной премией. Сборник стихов поэта Тен Му Яна «На пути к победе», также получивший премию, содержит произведения на различные темы, их пафос — в прославлении мирного труда корейского народа. Я рассказал только об основных произведениях, удостоенных премий, но не могу отметить, что уже после их присуждения в нашей литературе появились новые книги, обращавшие на себя внимание.

Одна из характерных черт литературной жизни нашей страны — кипение творческой энергии, обилие и живость дискуссий и споров, проходящих в писательской среде. Мне кажется, что, отвечая на вопрос: о чем дискутируют сегодня корейские писатели? — можно четко наметить несколько направлений в этих спорах. Первое, о чем следует упомянуть, — преодоление патристичности и речевости в литературе, связанных с группой литераторов — Ли Ха, Ким Нам Чен, Ли Тха Дон и другие. Эти писатели создали в своих произведениях пессимизм, проповедали неверие в человека, стремились принизить достижения мирного строительства в Корею. Рассказы Ли Тха Дэна «Пыль» и «Американское посредство» — пример подобного рода произведений. В первом из них автор посылает провидителем мысль о том, что все, свершенное трудовым народом Северной Кореи на мирной земле, может быть так же легко развезено, как пыль. Во втором рассказе Ли Тха Дон создает искаженный образ бойца

Народной Армии. Некоторые писатели не хотят отказываться от этих мнимых авторитетов, призывая, что их творчество наносило вред делу развития литературы. Преодоление подобных взглядов — вот одна из тех линий, по которым у нас идут дискуссии.

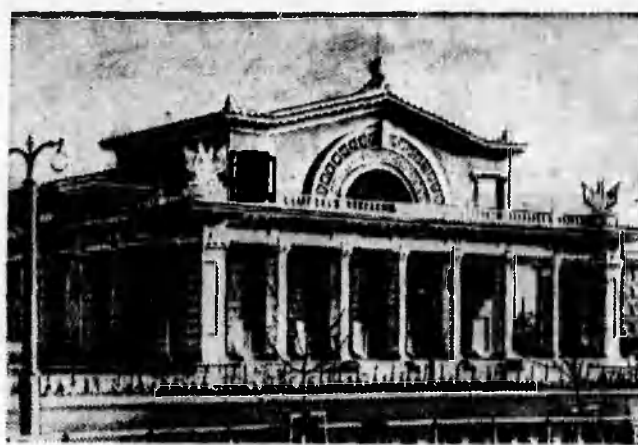
Второе направление наших творческих споров — борьба со схематизмом, за повышение писателями своего художественного мастерства. Схематизм иссушает многие произведения корейских писателей — в них действуют «запланированные» герои, развешиваются «запланированные» сюжеты. Существует несколько «эталонных» образцов положительных героев, для которых обязательны и железная воля и полное подчинение всей своей жизни выполнению политических лозунгов. Как правило, схематичен в наших произведениях образ партийного работника. С борьбой против схематизма связано и третье направление наших обсуждений — преодоление догматизма в критике. Наша литературная критика, призванная помочь писателям увидеть сильные и слабые стороны их творчества, нередко оказывается не на высоте, догматически трактуя понятие социалистического реализма, подходит к одним и тем же укоренившимся критериям к различным литературным явлениям, не учитывая мнения широких слоев читателей, которые порой в состоянии глубже и правдивее оценить труд писателя. Критика — это инструмент, которым мы лечим болезни литературы, чем совершеннее он будет, тем больше поможет делу литературы. Поэтому преодоление догматизма и критике нами придется такое значение. Еще одно течение в нашей дискуссии — это обсуждение проблем развития сатирического жанра.

Говоря об основных трудностях, с которыми приходится сталкиваться нашим писателям в своем творчестве, надо выделить главную, так сказать, «объективную»: быстроту движения, быстроту гигантских преобразований в жизни народа, за которыми очень трудно поспеть литературе. Это трудности можно назвать специфической: ее не знали корейские писатели прошлого. В глубоком изучении жизни большую помощь нам оказывают решения XX съезда КПСС. Вот конкретный пример: еще до XX съезда КПСС у нас началось движение за то, чтобы писатели чаще и больше выезжали туда, где живут и трудятся будущие герои их будущих книг, — на заводы, фабрики, в кооперативы. XX съезд КПСС и III съезд Трудовой партии Кореи усилили это движение, ныне уже около шестидесяти писателей уехали в провинцию наолго — на 3—4 года. Это поможет нам создать больше полноценных художественных произведений.

Корейские писатели близко к сердцу принимают то, что 38-я параллель некой стеной отделяет нас от наших товарищей по перу в Южной Корее. Литература — дело всего корейского народа, писатели должны правильно писать обо всем, что происходит к северу и к югу от 38-й параллели. К сожалению, мы лишены этой возможности. Тема воссоединения родины находит активный отклик у корейских читателей, и каждый из наших писателей хотел бы обратиться с теплым словом к сердцу южан — к Кореи.

Я надеюсь, что какие-либо шаги в общении литераторов Северной и Южной Кореи можно будет сделать на конгрессе писателей стран Азии, который предполагается осенью этого года в Дели. В конце июля там же состоится подготовительное заседание.

Свои впечатления от поездки в Румынию и СССР я думаю изложить в книге стихотворений и ряде путевых очерков. Кроме того, я должен закончить перевод третьего тома японки «Война и мир» Л. Толстого.

С Моранбона — «Горы пиона», воспетой корейским народом, отчетливо видны покрытые лесами карлики многоэтажных домов, стрелы башенных кранов.
Пхеньян строится! За все 2000 лет своей истории этот древний город не знал такого бурного строительства. Появились новые проспекты и улицы, жилые дома. И среди новых зданий немало культурных учреждений. Это и замечательный театр на Моранбоне, сочетающий в своем облике достижения современной архитектуры со старинными корейским зодчеством, и десятки высших учебных заведений, техникумов, школ, кинотеатры, библиотеки.
Вечерами заполняются зрительные залы театра оперы и балета, художественного театра, классического корейского театра. Город имеет балетную студию, центральный детский театр.
День ото дня хорошеет город-герой на Тайдонгане.
На снимке: новое здание центрального кинотеатра Тайдонган.
Снимок из корейского журнала «Иммин Чосон»

Миллионы, затраченные на «холодную войну»

БРАТ МОЙ,
ШЕФ МОЙ...

Элеонора Блондхейм предпочитает носить свою девичью фамилию: в политическом мире она значится Элеонора Даллес. Она служит под началом своего старшего брата — государственного секретаря Джона Фостера Даллеса и считается экспертом по германским вопросам. Однако немало энергии и труда она отдает делу, которым руководит другой ее брат — Аллен Даллес, начальник Центрального разведывательного управления. В последнее время ее имя все чаще появляется на страницах европейской печати. И не случайно.

За шесть дней до берлинского провокации 1953 года в Западный Берлин прибыла Элеонора Даллес. Официально целью визита был осмотр промышленных предприятий и общественных учреждений. Занималась же она иным. За три дня до начала беспорядков, как сообщила австрийская газета «Дер абенд», она имела беседу с руководящими офицерами американской контрразведывательной службы в Западной Берлине. В квартире Элеонора Даллес совещалась с руководящими деятелями пронацистских и правых организаций, находившихся на американской службе. Во время пребывания в Берлине Элеонора Даллес передала крупные суммы из «Фонда Рокфеллера», а также из средств нефтяного треста «Стандард ойл оф Нью-Джерси» западно-берлинским группам организации «Стальной шлем», «Вервольф», «Адольф Гитлер — традиция» и другим милитаристским организациям.

Первого мая следующего, 1954 года, как сообщила «Берлинер цейтунг», она приехала в Западный Берлин, чтобы са-

304 AMBASSADOR DODD'S DIARY
Government is hardly willing to do anything for an outsider, even if he does spend millions here. Mr. Miller was of the same opinion.

January 24, Friday. John Foster Dulles, who writes for the American magazine about European affairs but who is also connected with a large banking business in New York, reported his difficulties in financial matters here.
He said: «My sister lives here. She is an enthusiastic Hitlerite, and expects to show me the German attitude for peace. So...

304-я страница «Дневника посла Додда»

ИХ ГЛАЗАМИ

Мировая общественность настаивает на принятии мер по дальнейшему ослаблению международной напряженности. Но Бонн упрямо пытается действовать с «полюсами силы», усиливая току вооружений и заводя тем самым в тупик проблему объединения Германии.

Ниже мы публикуем высказывания ряда западногерманских газет, критикующих правительство Аденавера за политический курс, проводимый им «рассудку вопреки, наперекор стихиям».

Westdeutsches Tageblatt

«Вестдешес тагблатт»

Если канцлер заклинал американскую общественность ниним образом не обнадивать себя миролюбивыми заявлениями Советов, то возможно, что Джон Фостер Даллес ему рукоплескал, но простой человек в Вашингтоне поначалу по этому поводу головой, увидев в престарелом канцлере, приславшем из-за океана, трагическую фигуру того, как видно, позабыл про необходимость прикинуть к течению политических событий.

«Когда же будет этому конец? — спрашивает изнемогающий западногерманский налогоплательщик. Боннские министры заставляют его вытаскивать из кошелька все, что можно, для финансирования растущих военных расходов.
Рисунок худ. Кёлера из западногерманского журнала «Симплицисimus»

Frankfurter Allgemeine

«Франкфуртер алгемайне цейтунг»

В свете международной политики заметно, что Федеративная Республика (Германия. — Ред.) утратила за последние шесть — двенадцать месяцев свое влияние. Высказывания Аденавера, его действия и его упреки — это элементы «холодной войны». Он не хочет, чтобы западные союзники смотрели на него, как на ненадежного соратника. Но сами союзники со времени Женевы, то есть в течение года, пытаются найти мост от

холодной войны к мирному сосуществованию с Востоком. Вес приобретает ныне тот, кто дает импульс и проявляет инициативу в этом направлении.

DER TAGES SPIEGEL

«Дер тагешпигель»

Каждому известно, насколько он (то есть Аденавер. — Ред.) связан тем, чтобы не лишиться доверия Америки. Но для того, чтобы завоевать доверие Америки, ее союзники ныне не должны непременно свидетельствовать свое плохое отношение в Москве. Может наступить день, когда такое отношение будет восприниматься даже как помеха.

Deutsche Zeitung

«Дейче цейтунг унд Виртшафтсцейтунг»

Идея направленности, лексикон и политико-дипломатическая практика (Бонна. — Ред.) остались те же, что и в пору разгара холодной войны. Во всем, что Бонн направляет в Москву, нет и намека на примирение, не говоря уже о дружбе. Неприкрытая враждебность, и федеральный канцлер не постеснялся публично произнести эти слова.

NURNBERGER Nachrichten

«Нюрнбергер нахрихтен»

Не верши своим ушам и глазам, когда перед тобой федеративное правительство, сев на своего коня — утилитарные надежды — отчаянно борется против ветряных мельниц разрядки международной напряженности. Слово кошмар, душит его идея о возможности всеобщего разоружения. Всякий, кто говорит о разрядке международной напряженности, о мирном сосуществовании, вызывает со стороны Бонна недовольство, и ему читают нравоучения. Подобная позиция портит настроение не только потому, что она идет вразрез с устремлениями всех народов, но прежде всего потому, что она, как видно, лишена всякой логики. До сих пор можно было установить, что международным напряжением углубляется также раскол (Германия. — Ред.). Как мыслит федеративный канцлер сдвинуть в такой атмосфере с мертвой точки вопрос о воссоединении Германии?

NEUE RHEIN ZEITUNG

«Нейе рейнцейтунг»

Конструктивная задача заключается в том, чтобы совместно с правительством ГДР разработать предложения для воссоединения (Германия. — Ред.). Тому, кто этого боится, следовало бы молчать о воссоединении.

DIE WELT

«Ди вельт»

Не хочет ли он (Аденавер. — Ред.) идти сегодня на нашем маломощном корабле против курса мировой политики? Не останемся ли мы в таком случае в одиночестве, вдали от протоинформации? Или же курс будет изменен для того, чтобы мы не оказались изолированными даже от западных держав?

В независимой Камбодже

Л. Сомел по тропе самолета на землю Камбоджи, не имея в кармане дипломатической визы. Полицейский, которому я объяснил, что я корреспондент «Юманите» в Ханое и прибыл сюда, чтобы присутствовать на съезде «Народно-социалистического сообщества» — партии принца Сянука, не чинил мне никаких препятствий; он пропустил меня в город, лишь попросив зайти после полудня в министерство иностранных дел, чтобы «легализовать» мое все же не совсем «законное» положение.

Столица Камбоджи — Пном-Пень — типично азиатский, буддийский город: воздух его раскислен беспощадными лучами ослепительного солнца — температура даже в тени и вблизи вентиляторов достигает 35° по Цельсию; на улицах — толпы бот в длинных туниках шафранно-желтого цвета, с легкими зелеными ленточками, расшитыми над головами, мужчины и женщины в пестрых национальных нарядах; тысячи детей резвятся с чистой joyfulностью; по лицам которых струится пот, несутся наперегонки с огромными американскими лимузинами, река Меконг тяжело катит свои воды по лимонно-желтому илистому руслу.

Несмотря на все это, что-то неуловимое в облике Пном-Пеня напоминает Ярену или Лозанну. Быть может, это ощущение вызывается обилием американских тур-

стов? А может быть, это сходство скорее морального порядка? Не хочет ли принц Сянука, чтобы Камбоджа стала азиатской Швейцарией? Когда американцы называют Пном-Пень «настоящим пеклом», они имеют в виду, по-моему, не столько тропическую жару, сколько ту упорную борьбу, которую ведут против сторонников «холодной войны» участники движения за независимость и нейтралитет во главе с принцем Сянуком.

Как раз в тот день, когда я прибыл в столицу Камбоджи, министерство иностранных дел опубликовало коммюнике об аудиенции, данной руководителями страны американскому послу Макклитону. В коммюнике было зафиксировано одно из самых жестких поражений, понесенных в последнее время дипломатией «кудара кузак» — «стоуду». Авторы коммюнике заявляли, что народ Камбоджи будет распоряжаться по своему усмотрению бюджетом и таможенными доходами, а также всем тем, что поступает в качестве американской помощи. И, главное, правительство Камбоджи напало на Макклитона, что их страна намерена вести независимую внешнюю политику и не потерпит вмешательства в ее дела какой бы то ни было иностранной державы.

Подписанию этого коммюнике предшествовала жаркая дипломатическая схватка. Дело дошло до того, что в течение нескольких дней переговоров между посольством США и правительством Камбоджи пришлось вести при посредничестве дипломатов ней-

тральных стран. Вообще в последнее время поведение персонала американского посольства привело к созданию вокруг него атмосферы холода и отчуждения; когда где-либо появлялся один из американских должностных лиц, камбоджийские деятели демонстративно его сторонились. Мистеры, считавшие, что все им дозволено по той лишь причине, что за один американский доллар на черном рынке дают 65—70 реалов (то есть в два раза больше, чем по официальному курсу), подверглись суровому испытанию выдержку народа Камбоджи, национальную гордость которого они беззастенчиво попирали ногами. Исключения не составлял и сам г-н Макклитон, который вел себя здесь, как слон в посудной лавке: он являлся на официальные приемы с опозданием на полчаса, в брюках до колен, со стеклом в руке и нередко вел на цыпочках своих испов.

Мне довелось присутствовать на заседании съезда партии «Народно-социалистического сообщества». На первый взгляд это было фантастическое зрелище. Все поражало: убранство зала Промети (здесь происходит обычно выступления королевской бальной труппы), нарядный двор, где под гигантскими балдахинами, обрамленными в национальные цвета, расположились шесть тысяч делегатов, царинная здесь атмосфера демократического собрания древних Афин... Но самое сильное впечатление произвела национальная солидарность, объединяющая людей, столь же различных по своему мировоззрению и взглядам, как и те социальные группы, на которые опирается принц Сянука.

Съезд — хоть он и не удостоился чести привагивать кое-кому из присутствующих иностранцев — имел большое положительное значение. Официальный обозначатель мог с полным правом написать в газете

«Либерте»: «Теперь еще раз доказано, что Камбоджа является нейтральной, что она будет охранять этот нейтралитет решительно и ревностно; страна будет склоняться к левому, к крайнему левому курсу тем сильнее, чем упорнее будут попытки заставить ее отказаться от нейтралитета».

Через три дня после окончания съезда, беседа со мной по дворце Кхемарин, принц Сянука сказал: «Наш народ хочет спокойной дышать воздуха свободы. Он не нуждается в «советниках», которые будут говорить ему каждые пять минут, как малому ребенку: «Хлопай так, а не так...». Мы маленький народ, да, это правда, но опыт показывает нам, что большие страны допускают подчас большие глупости, мы научимся тому, что вы называете самокритикой. Пусть останет нас в покое, мы хотим быть нейтральными».

Создается впечатление, что французская политика строится с учетом этих стремлений народа Камбоджи. Это объясняется отнюдь не внезапным альтруистическим порывом, а просто-напросто необходимостью логического реализма. Принц говорил мне: «Французы ведут сейчас правильную политику; однако так было не всегда».

Со своей стороны верховный комиссар Франции Пьер Горс сказал мне: «Мы хотим саницировать здесь интересы Франции, но для этого нужно смириться с мыслью о том, что времена колониализма миновали и что этот народ ревностно оберегает свою независимость. Наши установки совершенно отличаются от установок американцев, которые делают из своей политики бизнес. Мы констатируем, что у нас хорошие отношения с Камбоджей, и будем придерживаться этой политики». Горс добавил, что если другие страны, например Китай и СССР, решили бы ока-

зать помощь Камбодже, это было бы только хорошо.

Действительно, в некоторых отношениях помощь Франции Камбодже может расцениваться положительно; в частности, нельзя относиться иначе к строительству порта в заливе Компонг-Сом; этот порт может стать в ближайшем будущем одним из ключей к экономической независимости Камбоджи и способствовать развитию торговли между Китаем и Камбоджей; относительно этой торговли принц сказал мне, что, по его мнению, она может стать основой всей внешней торговли страны.

Американские представители в Пном-Пене — в тревоге: в их глазах порт в Компонг-Соме воплощает возможность согласованных действий Камбоджи, народного Китая и Франции.

Конечно, не все французы — а их теперь в Камбодже около двух тысяч — солидарны с этим новым политическим курсом. В области красных земель хозяйства каучуковых плантаций живут в совершенно обособленном, замкнутом мире, проявляя полнейшее безразличие ко всему, что не имеет отношения к дивидендам. Некоторые из них до сих пор содержат вооруженные отряды и сохраняют вокруг своих владений кольцо укрепления и колочий проволоки. Когда разговор заходит о том, что их привилегиям придется конец и им придется платить налоги, как всем гражданам, и вести свою бухгалтерию и расчеты на местном языке, они чувствуют не задержку от негодования. Большие внутренние проблемы встают

во весь рост перед руководителями страны. Велорикша и рабочий Пном-Пеня, так же как и камбоджийский крестьянин, требуют не только независимости и нейтралитета. Их жизненный уровень еще невысок. Сидя на краю тротуара за скудной трапезой, состоящей из кусков рыбы и шепотки риса, они видят, как богатые иностранцы, а порой и некоторые жители Камбоджи поглощают изысканные яства в ресторанах с кондиционированным воздухом.

На съезде партии принц Сянука энергично критиковал своих соотечественников, не скрывающих на приобретение роскошных автомобилей и на поездки за границу, вместо того, чтобы внести свой финансовый вклад в индустриализацию страны. Только индустриализация может привести страну к благосостоянию и решить проблему безработицы.

Не удивительно, что человек, высказывающий такие здравые суждения, пользуется популярностью в своей стране.

ХАНОИ. 4 июля. (По телеграфу)

Правление Московского отделения Союза писателей СССР и секция московских драматургов с прискорбием извещают о смерти драматурга

Курдюмова
Всеволода Валерьяновича
и выражают соболезнование семье покойного.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ.
Редакционная коллегия: Г. ГУЛИН, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ, Н. ШАМОТА (зам. главного редактора).